Зайцева Д. В.
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов

«ВОЙНА МИРОВ»: ФРАНЦУЗСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ 1799 Г. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

В XVIII столетии идеи Просвещение захватили Западную Европу. Не избежал их влияния и Апеннинский полуостров, правда, здесь ценности Просвещения разделял достаточно узкий круг образованных элит, тогда как основной массе населения они оказались чужды. Поэтому, когда в 1799 г. французы вторглись в Неаполь и учредили там Партенопейскую республику, южно-итальянское общество оказалось расколото, и этот раскол обернулся гражданской войной: одни с восторгом приветствовали иноземцев, которых почитали за освободителей, другие же встали на защиту своей веры, короля и отечества. Это было столкновение двух чуждых друг другу миров, и их противостояние как нельзя лучше демонстрируют воспоминания, отчеты и дневники участников и очевидцев, отразившие представления противоборствующих сторон друг о друге. В текстах республиканцев их враги предстают либо религиозными фанатиками, которые поддались пропаганде священников, либо же криминальным сбродом. Вместе с тем, своим главным противником республиканцы считали не народ, а именно служителей культа, которые якобы внушали плебсу ложные ценности. Санфедисты же, напротив, описывали своих врагов как варваров, оскверняющих церкви, жестоких, разнузданных и алчных, которые, прикрываясь громкими лозунгами, захватывают страны и грабят их. Но еще большую ненависть, чем французы, у плебса вызывали соотечественники-якобинцы — местные просвещенные элиты, которые фактически утратили свою национальную идентичность, встав на сторону неприятеля.

Ключевые слова: Южная Италия, Неаполь, Партенопейская республика, народная антиреволюция, санфедизм

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00510 «Взаимоотношения военнослужащих и гражданских лиц в эпоху Наполеоновских войн».

Цитирование: *Зайцева Д. В.* «Война миров»: французская оккупация Южной Италии 1799 г. в свидетельствах участников и очевидцев. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-270-288 // Французский ежегодник. 2025. Т. 58. С. 270-288.

Поступила в редакцию: 11.06.2025
Принята к печати: 14.07.2025

Daria V. Zaytseva
Saratov State University,
Saratov

"WAR OF THE WORLDS": THE FRENCH OCCUPATION OF SOUTHERN ITALY IN 1799 IN THE TESTIMONIES OF PARTICIPANTS AND EYEWITNESSES

In the 18th century, Enlightenment ideas swept Western Europe. The Italian Peninsula was not immune to their influence, although Enlightenment values were shared by a relatively narrow circle of educated elites, while they were alien to the bulk of the population. Therefore, when the French invaded Naples in 1799 and established the Parthenopean Republic, Southern Italian society was divided, and this division escalated into civil war: some enthusiastically welcomed the foreigners, whom they revered as liberators, while others rose to defend their faith, king, and fatherland. It was a clash of two alien worlds, and their confrontation is best illustrated by the memoirs, reports, and diaries of participants and eyewitnesses, reflecting the opposing sides' perceptions of each other. In the texts of the republicans, their enemies are portrayed either as religious fanatics who succumbed to priestly propaganda or as criminal rabble. At the same time, the Republicans considered their main adversary not the people, but rather the clergy, who allegedly instilled false values in the plebs. The *Sanfedisti*, on the other hand, described their enemies as barbarians who desecrated churches, cruel, unbridled, and greedy, who, under the guise of loud slogans, seized countries and plundered them. But even more hated by the plebs than the French were their compatriots Jacobins — the local enlightened elites who had effectively lost their national identity by siding with the enemy.

Keywords: Southern Italy, Naples, Parthenopean Republic, popular anti-revolution, Sanfedismo

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, project № 25–18–00510 “Relations between military personnel and civilians during the Napoleonic Wars”.
Citation: Zaytseva, D. (2025). «Voina mirov»: frantsuzskaya okkupatsiya Yuzhnoi Italii 1799 g. v svidetelstvakh uchastnikov i ochevidtsev [“War of the worlds”: the French occupation of Southern Italy in 1799 in the testimonies of participants and eyewitnesses]. https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-270-288. *Annual of French Studies*, 2025, vol. 58, p. 270-288.

Как и вся Западная Европа, в XVIII столетии Апеннинский полуостров оказался подвержен влиянию Просвещения, однако просветительские ценности разделял лишь узкий круг образованных элит, для подавляющего же большинства населения они оставались чужды. Как отмечает М. Вильоне, ситуация в Италии в конце XVIII в. была наименее подходящей для вторжения революционной армии[1]. Поэтому, когда французские войска под лозунгами освобождения от тирании захватили Неаполитанское королевство, основная масса населения приняла их в штыки. В сущности, это было столкновение двух чуждых друг другу миров, каждый из которых исповедовал свои убеждения, и их противостояние как нельзя лучше демонстрируют воспоминания участников и дневники очевидцев, на страницах которых отражены представления противоборствующих сторон друг о друге.

Одним из французов, оставивших мемуары об этих событиях, был генерал Жан Этьен Шампионне. Главнокомандующий французскими войсками описывал те трудности, с которыми столкнулась его армия, вторгшись в Южную Италию. Так, дивизия генерала Лемуана должна была в непогоду преодолеть покрытые снегом горы. Солдатам пришлось то поднимать, то спускать вручную свою артиллерию, каждый раз разбирая лафеты. И без того тяжелый путь осложнялся постоянными нападениями местных жителей. Шампионне отмечал, что Лемуан «не мог сделать ни шагу, не вступив в бой с огромной массой введенных в заблуждение фанатиков, которых подстрекали к резне разъяренные и кровожадные священники»[2]. Наряду с «религиозной одержимостью» генерал отмечал и жестокость местных жителей.

[1] *Viglione M.* Rivolte dimenticate le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999. P. 23.

[2] Souvenirs du général Championnet / publiés par Maurice Faure. Paris, s.d. P. 266.

По словам главнокомандующего, на всех дорогах по пути к Неаполю французов поджидали в засаде свирепые убийцы, которые не щадили никого: «Больные, раненые, путники, женщины погибали от их смертоносных ударов»[3]. «Орды убийц» наносили республиканской армии гораздо больший урон, чем регулярные войска и на протяжении всего длинного пути не было ни одного города, в котором бы не развернулось кровопролитное сражение[4].

Однако Шампионне не все население клеймил как введенных в заблуждение фанатиков. В письме от 25 января 1799 г., адресованном Директории, он называл неаполитанский плебс «удивительными людьми, <...> героями, запертыми в Неаполе», которыми командуют «бесстрашные вожди»[5]. Очевидно, генерал воспринимал лаццарони[6] как достойных и храбрых людей, поддавшихся обману.

Генерал Шарль-Огюст-Жан-Батист-Луи-Жозеф Бонами в отчете об этой кампании называл жителей Неаполитанского королевства мятежниками и разбойниками[7]. Он отмечал, что главнокомандующий пытался мирно договориться с жителями столицы, но «обезумевшее» население не хотело ничего слышать, из-за чего в городе началась анархия. Описывая схватку с лаццарони, Бонами, как и Шампионне, писал: «Эти удивительные люди сражаются, как львы. Их отбрасывают, но они побеждают»[8]. Когда французским войскам, наконец, удалось войти в город, Шампионне доброжелательно обратился к местным жителям, сказав, что принес им свободу и, чтобы успокоить их, заявил, что будет уважать покровителя Неаполя – Святого Януария. После этого, по словам Бонами, «установилось и распространилось доверие. Исполнившись воодушевления, люди кричали: “Да здравствуют французы!” <…> Охваченные энтузиазмом, они сложили оружие, и из врагов стали друзьями. Один из вождей лаццарони встал перед французами. Он обратился к своим грозным солдатам с речью, приказав им прекратить огонь. Его выслушали с уважением и повиновались. Вскоре всеобщий траур, охвативший город, сменился криками радости. Спокойствие восстановилось,

[3] Ibid. P. 269.
[4] Ibid. P. 268.
[5] Ibid. P. 279.
[6] Лаццарони – неаполитанский плебс.
[7] *Bonnamy*. Coup d’oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu’à l’entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l’État-Major-Général de l’Armée de Naples. Paris, 1800. P. 94.
[8] Ibid. P. 98-99.

и война закончилась»[9]. Подобно своему главнокомандующему, Бонами считал неаполитанских лаццарони, встретивших французов огнем, но в конце концов сдавшихся, храбрыми героями, тогда как те, кто нападал на французов по пути в столицу, остались в его глазах «мятежниками» и «разбойниками».

Особого внимания заслуживают мемуары Гульельмо Пепе, известного неаполитанского деятеля, ставшего позднее одним из лидеров карбонариев. В 1799 г. он был ещё юношей, разум которого, по его собственным словам, настолько взбудоражили победы и доблесть войск Французской республики, что он «стал республиканцем едва ли не до помешательства»[10]. С захватом французами Неаполя Пепе, в то время шестнадцатилетний выпускник военной школы, был одержим желанием отправиться в армию, чтобы служить на благо республики, однако старшие братья удержали его от опрометчивого поступка, считая слишком юным для службы. В конце концов он довольствовался тем, что вступил в ряды Национальной гвардии.

Пепе считал, что в конце 1798 г., когда Фердинанд IV призвал своих подданых встать на защиту религии и трона, а затем бежал на Сицилию, неаполитанское общество раскололось на две части: «Толпа, преданная королю, сыну Карла Бурбона, пылкая по своей натуре и воспламененная фанатичными священниками вкупе с авторитетом религии, неистово бросилась в бой с французами и их сторонниками. Немногие прозорливые и благоразумные люди выступали за свободу, считая вторжение неизбежным и преходящим злом»[11]. Преданный королю плебс поднялся в январе 1799 г. на восстание, охватившие весь Неаполь. Вызвано оно было известием о необходимости выплаты французам контрибуции в соответствии с соглашением о перемирии, которое заключил с ними командующий неаполитанской армией генерал К. Мак. Десять миллионов лир заплатили сразу, а еще два с половиной миллиона дукатов, в соответствии с декретом Временного правительства, было необходимо собрать в течение восьми дней «от имени города в пользу полученной свободы»[12]. Как свидетельствует Пепе, в те

[9] Ibid. P. 100-101.

[10] Memorie del generale Guglielmo Pepe intorno alla sua vita e ai recenti casi d'Italia. V. 1. Parigi, 1847. P. 12.

[11] Ibid. P. 15.

[12] *Battaglini M., Placanica A.* Leggi, atti, proclami ed altri documenti della Repubblica Napoletana 1798-1799. Vol. II. Cava de' Tirreni, 2000. P. 262.

дни лаццарони завладели оружием и стали беспорядочно шататься по городу и ради развлечения стрелять в воздух, не причиняя, однако, вреда мирным горожанам. Автор приводит на страницах мемуаров случай, который произошел лично с ним. Однажды он поздно ночью возвращался домой и был задержан патрулем лаццарони, но после короткого и спокойного предостережения никогда больше не бродить по улицам в такое время, патруль отправил нескольких своих людей проводить Пепе домой. Когда же тот в благодарность предложил им два серебряных пиастра, они наотрез отказались их принять[13]. Единственное, что немного утихомирило плебс — избрание им себе в предводители герцога Роккаромана и принца Молитерно, ранее отличившихся в боях с французами. Они смогли на короткое время сдержать ярость народа и, по убеждению Пепе, в конечном счете сумели бы окончательно усмирить разгневанных неаполитанцев, «если бы не восстала шайка злобных священников и монахов, сторонников павшего правительства, которые <...> воздействовали на плебс и вызвали гнев и бешенство против избранных лиц города, заклеймив якобинцами всех дворян королевства и распространяя подозрения даже против командующих Молитерно и Роккаромана»[14]. Пепе утверждал, что священники и монахи в церквях и на площадях воспламеняли своими проповедями гнев в сердцах доверчивого народа, превратив его в обезумевшую свирепую толпу. Именно эти подстрекательства погрузили Неаполь в хаос, приведя к кровопролитию. Вместе с тем он с восхищением пишет о лаццарони, которые с необычайной храбростью сражались с французами, и даже когда они увидели развевающийся над замком Сант-Эльмо республиканский флаг и поняли, что их предали, это не ослабило их мужества[15]. Упомянув о пагубном, с его точки зрения, влиянии священников на народ, автор мемуаров, тем не менее, отмечал, что в дни хаоса плебс вдохновлялся не столько религиозным фанатизмом, сколько непримиримой ненавистью к захватчикам. Однако после вступления французов в город народ, по его словам, отбросил всю свою ненависть и шумно приветствовал их — так, как приветствуют друзей. Эту метаморфозу Пепе объяснял провозглашением свободы. Он подчеркивал, что ликование, охватившее народ, было всеобщим — радовались даже мирные

[13] Memorie del generale Guglielmo Pepe… P. 17.
[14] Ibid. P. 18.
[15] Ibid.

сторонники королевского правительства, поскольку резня на улицах прекратилась. Тем более это относится к республиканцам, которые, даже не будучи знакомыми друг с другом, обнимались на улицах и радовались, что их мечта исполнилась[16].

Упоминая о своих противниках, санфедистах, Пепе характеризует их как сброд, состоявший преимущественно из преступников и негодяев. По его словам, «робкие правители», нашедшие убежище на Сицилии, издавали указы, которые «страшными угрозами подстрекали население и мирных граждан к мятежу и призывали щедрыми посулами главарей злодеев и преступников, которые, бежав из тюрем и с галер, наполнили провинции новыми преступлениями... Несколько служителей культа, обладавшие несметными богатствами <...> вели открытую войну против нового порядка <...> разжигая во имя Святой Веры пламя гражданской войны»[17]. В том, что касается социального состава сторонников короля, Пепе отчасти был прав. Фердинанд IV, отправив кардинала Фабрицио Руффо отвоевывать королевство, возложил на него задачу по сбору войска и наделил его практически неограниченными полномочиями. В письме от 25 января 1799 г. король поручал ему сформировать любой ценой войско, «пусть даже оно состоит из беглых солдат или дезертиров»[18]. Спустя две недели, 9 февраля, Руффо написал государственному секретарю Джону Актону, что несмотря на все усилия ему «удалось собрать всего около восьмидесяти человек, все они либо охранники (armigeri), либо политические изгнанники, то есть люди, лишенные каких-либо добрых намерений и надежности»[19].

Вновь возвращаясь, уже в другом эпизоде, к описанию войска Санта Феде, Пепе утверждал, что оно представляло из себя следующее: «Мошенники, избежавшие виселицы, <...> подонки, более или менее запятнанные преступлениями и отличающиеся звериной свирепостью, — они объявили себя главарями и командующими многочисленных банд, одна часть которых состояла из баронских охранников (armigeri baronali), другая из далматинских солдат (уже уволенных со службы после расформирования их частей и в отчаянии обратившихся к этим шайкам, выпрашивая еды) и, наконец, преступники, выпущенные

[16] Ibid. P. 20.
[17] Ibid. P. 25.
[18] *Colletta P.* Esame della storia del reame di Napoli. Vol. 1. Napoli, 1850. P. 41.
[19] La Riconquista del regno di Napoli nel 1799 / A cura di B. Croce. Napoli, 1999. P. 15.

из тюрем»[20]. Поддержку же простым народом армии санфедистов Пепе объяснял тем, что Руффо обещал всем вставшим на его сторону раздать земли, изъятые у патриотов, и разграбить все города и деревни, которые окажут сопротивление. Именно страх перед подобными угрозами, по словам автора, побудил народ поддержать армию Руффо. Что касается раздачи земель, то основание для такого утверждения у автора имелось: королева Мария-Каролина в письме Руффо от 25 февраля перечисляла имена калабрийских аристократов, вставших на сторону Республики, и считала нужным, чтобы их земли и имущество были конфискованы, а народ, вместе с тем, был освобожден от чрезмерных повинностей[21].

Пишет Пепе и о жестокости санфедистов, например, он упоминает Гаэтано Маммоне — мельника, который стал ярым противником республиканцев. Пепе утверждал, что Маммоне не просто зверски убил своими собственными руками четыре сотни французов и неаполитанцев, но еще и «жадный до крови, пил ее залпом, и, сидя за обеденным столом, предвкушал наслаждение, видя перед собой только что отрубленную голову, истекающую кровью»[22]. Маммоне действительно печально известен как один из самых жестоких лидеров санфедистов. Сторонник Партенопейской республики и очевидец событий 1799 г. Винченцо Куоко утверждал, что он пил кровь не только своих жертв, но и свою собственную, мало того, «он обедал за столом, на котором стояли окровавленные головы, и пил из черепа...»[23]. Позже историк Бенедетто Кроче повторил то, что писал о Маммоне Куоко, назвав его самым жестоким из роялистских вожаков, который «вместо цветов украшал свой обеденный стол отрубленными кровоточащими головами якобинцев»[24]. Впечатленный историями о жестокости мельника, Александр Дюма вывел его образ в романе «Луиза Сан-Феличе». Однако в недавнем исследовании историк Массимо Каттанео поставил под сомнение рассказы о Маммоне как о безрассудном злодее и кровопийце, доказав, что его образ во многом мифологизирован[25].

---

[20] Memorie del generale Guglielmo Pepe… P. 27.

[21] La Riconquista del regno di Napoli... P. 41-42.

[22] Memorie del generale Guglielmo Pepe… 27.

[23] *Cuoco V.* Saggio storico sulla rivoluzione napoletana del 1799. Bari, 1913. P. 180.

[24] *Croce B.* La Rivoluzione Napoletana del 1799. Bari, 1912. P. 399.

[25] *Cattaneo M.* Il mito un brigante "vampiro". Gaetano Coletta, alias Mammone (1756-1802) // Soldati e briganti. Biografie, pratiche, immaginari tra Sette e Ottocento. A cura di C. Pinto. Soverìa Mannelli, 2024. P. 63–78.

Хотя Пепе и был ярым сторонником республики, он не стал полностью замалчивать и преступления французов. В его мемуарах описан эпизод, когда двое солдат захотели изнасиловать девушку, но республиканец Этторе Карафа вступился за неё, рискуя собственной жизнью. После потасовки настроение французов сменилось на веселое, некоторые из них, дурачась, облачились в одеяния священнослужителей, которые они раздобыли, занимаясь мародерством[26].

Тем не менее, главными антигероями мемуаров Пепе были всё же сторонники короля. Вот как он описывал взятие ими города Котроне: «После двух дней мародерства, жестокости и похоти, на третий день в центре главной площади был возведен великолепный алтарь, после чего какой-то кощунственный священник и воин Санта Феде отслужил мессу, а кардинал, облаченный в пурпурное одеяние, сперва восславил события минувших двух дней, а затем, высоко подняв руку, осенил всех крестом, тем самым отпустив грехи, совершенные в пылу битвы и грабежей, и благословил свое войско. С такими дерзкими уловками этот плут насмехался над религией, за мстителя и защитника которой он себя выдавал»[27]. Любопытно, что, будучи уроженцем Южной Италии, Пепе, по всей видимости, не испытывал такого пренебрежения к религии, как французы. Из упомянутого выше отрывка складывается впечатление, будто он болезненно воспринимает «насмешку» Руффо над ней. В целом же в мемуарах он клеймит в первую очередь священников и монахов, как подстрекателей, которые сбивают народ с истинного пути.

Обратимся к мемуарам противоположной стороны. Одним из участников армии Санта Феде, сражавшейся с войсками Партенопейской республики, был монах Антонио Чимбало, опубликовавший воспоминания уже в 1799 г. Его ненависть вызывали не только французы, но и соотечественники, которые поддержали иностранное вторжение. О неаполитанских якобинцах, назвавшихся «ложным именем патриотов»[28], он отзывался как о людях «без религиозных принципов, учеников преподавателей ложных истин, воодушевленных примером высокомерной, мятежной, ненадежной нации, злобной, алчной и

[26] Memorie del generale Guglielmo Pepe. P. 29.
[27] Ibid. P. 29-30.
[28] «Патриотами» и «якобинцами» в Неаполе называли сторонников французов, разделявших ценности Просвещения.

чрезмерно похотливой, которая не использует иных средств, кроме вероломства и лжи»[29]. Приводит он и эпизоды крайней жестокости, которую проявляли якобинцы по отношению к роялистам. Один из таких случаев произошел 9 мая в Альтамуре, когда республиканцы, расстреляв часть своих сограждан, в том числе нескольких священнослужителей, сохранивших верность Богу и королю, зверски расправились с остальными, связав попарно трупы убитых с еще живыми людьми и похоронив их вместе[30].

Чимбало писал и о французах, которых тоже обвинял в жестокости, грабежах, пожарах, насилии над женщинами, совершаемом порой в их собственных домах на глазах у их избитых или искалеченных родственников[31]. Помимо того, он отмечал и непомерную алчность захватчиков. Так, по его словам, в Пьедимонте французы собрали контрибуцию в размере девяти тысяч дукатов, но не удовлетворившись этим, принялись за грабеж, в течение пяти дней опустошая город и сжигая ту добычу, которая не представляла для них особой ценности[32], а в Бари, который безропотно выплатил захватчикам необходимую сумму, они похитили драгоценные сокровища Святого Николая — покровителя города, а также лошадей, кареты, золото, серебро и всё, что смогли унести[33].

Размышляя об участи, постигшей Неаполитанское королевство, автор замечал, что поведение французов обыденно — так они поступают всюду, куда приходят в качестве «освободителей»: «всякий раз, когда становится известно о благосостоянии страны или о том, что в тех местах живут богатые люди, французы находят средства и предлоги, чтобы учинить самые опустошительные грабежи»[34]. Те тяготы, которые испытали на себе жители Южной Италии, раскрыли им глаза на сущность французской политики в завоеванных землях. Прикрываясь громкими лозунгами, писал автор мемуаров, захватчики разоряли оккупированные территории, не имея намерений облегчить жизнь населения. Французы, замечает он, «много обещали, но ничего не сделали, согласно привычке, присущей этому народу»[35].

---

[29] *Cimbalo A.* Itinerario di tutto ciò che è avvenuto durante la spedizione dell'eminentissimo signor D. Fabrizio Cardinal Ruffo, Napoli, 1799. P. 5.

[30] Ibid. P. 79.

[31] Ibid. P. 79.

[32] Ibid. P. 76.

[33] Ibid. P. 77.

[34] Ibid. P. 76.

[35] Ibid. P. 74.

Еще один санфедист Доменико Петромази был одним из тех, кто предпринял экспедицию в Калабрию вместе с кардиналом Руффо. Своими мемуарами он, по его собственным словам, хотел дополнить работу Чимбало. Петромази тоже упоминал о варварских действиях французов. Например, в Андрии они распахнули настежь двери церквей, снимали с алтарей священную утварь, взламывали дарохранительницы, оскверняли священные сосуды и повсюду сеяли ужас, беспорядок и смятение[36]. Когда прибыли войска союзников по Антифранцузской коалиции, пишет Петромази, «неаполитанский народ, памятуя о разнузданности французов в общении, был рад видеть любезное поведение и учтивые манеры московитов»[37].

В одном из первых обращений главнокомандующего французской армии Жан-Этьена Шампионне к жителям Неаполя говорилось, что неаполитанцы отныне свободны и свобода их — это единственная ценность, которую французы хотят получить за свое завоевание[38]. Однако Петромази, воочию наблюдавший действия французов, скептически заметил, что у французов свобода, в частности свобода религиозная, «заключается не в том, чтобы не соблюдать никаких культов, а в том, чтобы позволить торжествовать безнравственности и похотливому распутству»[39].

Как и его единомышленник Чимбало, Петромази пишет об алчности французов, сравнивая их с больным водянкой, «чья неутолимая жажда растет пропорционально его недугу»[40]. Французы нанесли Неаполю немалый вред, требуя огромные суммы на содержание армии. Вдобавок к этому захватчики присваивали себе и культурные ценности[41]. И хотя при республиканском правлении была собрана драгоценная коллекция памятников старины, велись раскопки Геркуланума и Помпеи[42] и даже был создан музей для экспонирования найденных произведений искусства[43], львиная доля находящихся в Неаполе

[36] *Petromasi D.* Storia della spedizione dell' eminentissimo cardinale D. Fabrizio Ruffo. Napoli, 1801. 122–123.

[37] Ibid 71.

[38] Proclami e sanzioni della Repubblica Napoletana / Ed. fatta per cura di C. Colletta. Napoli, 1863. P. 3.

[39] *Petromasi D.* Op. cit. P. 124.

[40] Ibid. P. 125.

[41] Ibid.

[42] *Bonnamy.* Op. cit. P. 109.

[43] *Saint-Albin A.-R.-C.* Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. Paris, 1861. P. 212.

шедевров должна была отправиться во Францию, тогда как в местном музее остались лишь снятые с них копии[44].

Доменико Саккинелли — священник и санфедист, акцентировал внимание в своих мемуарах на отношении жителей Южной Италии к местным якобинцам. Причину всех потрясений, постигших Неаполь, а еще ранее Рим, он видел во Французской революции 1789 г., когда из-за «ядовитых трудов лживых философов, через общества, преданные Церковью анафеме и якобинские клубы <…> Франция стала центром безбожия»[45]. Местные просвещенные элиты, разделявшие идеи Французской революции, вызывали у неаполитанцев ненависть едва ли не большую, чем сами захватчики. Когда вражеские войска стояли уже под стенами Неаполя, в городе распространился слух, будто бы якобинцы собираются в клубах, чтобы содействовать приходу французов и этот слух подтолкнул плебс к беспорядкам: начались грабежи, разрушения, и убийства, которые совершались иногда из-за малейших подозрений или же из личной мести. Достаточно было про кого-то сказать «это якобинец», и его тут же приносили в жертву, а его дом грабили и разрушали[46]. Саккинелли упоминал даже о случаях каннибализма и сожжении людей заживо[47]. Такие же случаи описывались и другими современниками[48].

Еще один любопытный и чрезвычайно содержательный источник — «Неаполитанский дневник» адвоката Карло де Николы. Дневник отражал непосредственные впечатления жителя Неаполя, лицом к лицу столкнувшегося с иноземцами, захватившими город и тем хаосом, который последовал за их вторжением. Де Никола не примыкал ни к какому лагерю, стараясь держаться в стороне от происходящих событий и даже в дневнике сохраняя анонимность (его авторство удалось установить много позже). С присущей людям его профессии скрупулезностью де Никола кратко и без лишних эмоций излагал факты и события, свидетелем которых стал сам или о которых узнал от других, и педантично переписывал в дневник выдержки из официальных прокламаций, попавших к нему в руки.

---

[44] Il Monitore Napoletano 1799 / A cura di M. Battaglini. Napoli, 1974. P. 206.

[45] *Sacchinelli D.* Memorie storiche sulla vita del cardinale Fabrizio Ruffo. Napoli, 1836. P. 17.

[46] Ibid. P. 60.

[47] Ibid. P. 69.

[48] Подробнее см.: *Addante L.* I cannibali dei Borbone. Antropofagia e politica nell'Europa moderna. Bari, 2021.

Когда французские войска находились на подступах к Неаполю, а в самом городе царила анархия, вызванная заключением перемирия с противником, де Никола писал: «Народ снова в ярости, снова взялся за оружие и рыщет по городу в поисках тех, кого он считает якобинцами. Он захватил дом герцога делла Торре Филомарино, получив известие, что там приготовлен праздничный обед в честь приближения французов. Он схватил принца (sic!) и его брата, провел их по самым многолюдным районам города и, наконец, расстрелял их»[49]. Разъяренный плебс поджигал дома, в которых, по его мнению, жили якобинцы. Кроме того, ими же был разрушен дом Солимены[50], сожжена церковь и разграблен монастырь Святого Гаудиоза, монахиням которого едва удалось спастись от народного гнева. Впрочем, Пьетрабондио Друско, ещё один очевидец, в мемуарах писал, что дом Солимены был разрушен французами по недоразумению, а монастырь сгорел из-за обстрела Неаполя французской артиллерией со стороны городских ворот Порта Капуана[51].

Де Никола с большой симпатией отзывается о Шампионне. Так, например, он пишет, как в театре, куда пришел главнокомандующий, его встречали ликованием и аплодисментами; как после посещения церкви он раздавал монеты бедным под восторженные возгласы плебса[52]. Несмотря на сухой стиль изложения, между строк сквозит восхищение де Николы генералом и его мудростью. Он приводит случай, когда три французских солдата и присоединившиеся к ним трое неаполитанцев украли из церкви Кармине-Маджоре кусок ткани с вышитым на нём изображением Распятия. Узнав об этом, Шампионне лично отправился в церковь. Воры и ткань были найдены, а виновных генерал приказал тем же вечером расстрелять и бросить в море[53]. Демонстрируемое генералом уважение к религии было столь впечатляющим, что вскоре по городу даже пронесся слух, будто бы главнокомандующий женился на дочери одного из местных принцев по католическому обряду[54].

Узнав о бесчинствах французов, в частности тем, что они, прикрываясь именем главнокомандующего, присваивали

[49] *Nicola C. de.* Diario napoletano, 1798–1825. Napoli, 1906. P. 26.

[50] Франческо Солимена (1657–1747) — итальянский художник, один из ведущих мастеров неаполитанской школы живописи.

[51] *Drusco P.* Anarchia popolare di Napoli dal 21 dicembre 1798 al 23 gennaio 1799. / A cura del cav. Michele Arcella. Napoli, 1884. P. 34.

[52] *Nicola C. de.* Op. cit. P. 36.

[53] Ibid. P. 40-41

[54] Ibid. P. 57.

себе лошадей и экипажи горожан, Шампионне в письме муниципалитету выразил сожаление из-за проступков его солдат и даже выразил готовность возместить ущерб тем горожанам, у которых французы без официальной санкции изъяли имущество[55]. Восхищенный этим де Никола заметил, что «его приказы стали воплощением справедливости»[56].

В записи от 3 февраля де Никола заметил, что положение неаполитанцев всё больше ухудшается. Народ находится в смятении, негодует на французов, в том числе из-за их попыток насиловать женщин. Генерал, отмечает автор, пытался держать их под контролем, но предотвратить беспорядки было невозможно[57]. Чтобы предупредить стычки между французами и неаполитанцами, 4 февраля было опубликовано распоряжение о взаимном уважении. Отныне любой солдат, нарушивший покой местных жителей, карался смертью, в свою очередь того, кто оскорбит француза, полагалось препроводить в Военный совет и немедленно расстрелять[58].

Временный муниципалитет Неаполя 31 января обратился к жителям, покинувшим город, и попросил вернуться обратно всех добропорядочных граждан в течение трех дней для того, чтобы они могли разместить в своих домах французских офицеров. Сообщалось, что в противном случае их дома будут вскрыты Комитетом по размещению без какой-либо ответственности за возможный ущерб[59]. Де Никола записал в дневнике, что утром 11 февраля трое французских солдат были доставлены в госпиталь Святого Джакомо с ранениями головы, полученными от ударов камнями, а ещё трое погибли где-то возле Каподимонте. Причина того была неизвестна, но говорили, что это произошло из-за дерзости, проявленной французами по отношению к местным жителям, у которых проживали[60]. Де Никола писал: «Поведение французских генералов и тех, кто стоит у власти, ужасно. Столько прекрасных обещаний счастья и свободы, а мы между тем ещё более несчастны и зависимы, чем прежде... Французские офицеры, живущие в частных домах, вызывают отвращение

[55] Proclami e sanzioni della Repubblica Napoletana. P. 50.
[56] *Nicola C. de.* Op. cit. P. 44.
[57] Ibid. P. 45.
[58] *Battaglini M., Placanica A.* Leggi, atti, proclami... P. 335.
[59] Proclami e sanzioni della Repubblica Napoletana. P. 48–49.
[60] *Nicola C. de.* Op. cit. P. 52.

своим нахальством и бременем, которое они налагают на тех, кто должен их приютить и накормить, а на меньшее они не согласны. Солдаты не перестают совершать дерзости и люди больше не в силах это терпеть. Простой народ считает, что религия, которую они обещали не трогать, подвергается оскорблению, поскольку французские солдаты не уважают ни церковь, ни святыни»[61].

Одним из проявлений такого неуважения было использование французами монастырей для военных нужд. В газете *Il Monitore Napoletano* упоминался эпизод, когда братия монастыря Святого Николая преподнесла Республике патриотический дар в триста дукатов как благодарность Временному правительству, которое убедило французских генералов отказаться от идеи превратить монастырь в казармы, выселив оттуда монахов[62]. Де Никола свидетельствовал, что народ, «вместо того, чтобы привязаться к правительству, всё больше испытывает отвращение, из-за слухов о закрытии нескольких монастырей»[63].

В записи от 4 марта автор сокрушался: «Мне очень жаль, что народ всё больше и больше возмущен, а правительство не принимает мер по его успокоению; мне кажется, что всё происходит наоборот. Те из Национальной гвардии, которые называют себя патриотами, пользуются большой неприязнью у народа, им не хватает воспитанности и благоразумия. Сегодня я видел священника по имени Иньяцио Фальконьери, известного в литературной республике своими произведениями, посвященными изящной словесности, в форме капитана Национальной гвардии, что возмутительно для народа, хотя он считает, что добросовестно служит Республике»[64].

К концу марта 1799 г. был разработан проект Конституции Неаполитанской республики, автором которого стал член Временного правительства Марио Пагано. За его основу был взята французская Конституция 1795 г., и, хотя Пагано стремился создать Неаполитанскую конституцию, учитывающую местные особенности, а не повторяющую образец материнской республики[65], Винченцо Куоко отмечал, что этот проект оказался

[61] Ibid. P. 66–67.
[62] Il Monitore Napoletano. P. 374–375.
[63] *Nicola C. de.* Op. cit. P. 80
[64] Ibid. P. 70.
[65] *Battaglini M.* Mario Pagano e il progetto di Costituzione della Repubblica Napoletana. Roma, 1994. P. 5.

«слишком французским и слишком мало неаполитанским»[66]. Скептически воспринял Конституцию и де Никола, который 5 апреля сделал в дневнике следующую запись: «Говорят, что была составлена порочная Конституция. Я всегда буду говорить одно и то же: правительство и французы не умеют пробудить любовь к революции и ищут способы еще больше разжечь недовольство. А истинное положение дел таково: в правительстве нет никого, кто разбирается в политике и хорошем управлении. Им недостает благоразумия, благопристойности и религиозности. Среди французов процветают злоупотребления и жажда грабежа»[67].

В дневнике адвоката имеются и свидетельства жестокости французов. Так, например, он писал, что, когда в Терра-ди-Лаворо вспыхнуло восстание, многие мирные жители были вынуждены бежать в горы со своими семьями и имуществом. Когда же их попросили вернуться домой в письме, якобы написанном главнокомандующим, они повиновались. Но вечером того же дня город был разграблен. Женщин насиловали, церкви опустошали, Святые Дары бросали на землю. Бежавших монахинь догоняли, и они становились жертвами насилия со стороны военных. Тех, кто пытался сопротивляться, жестоко убивали, прочих оставляли едва живыми. То же самое происходило и в Авеллино, где женщины, посвятившие себя Богу, умирали в руках своих насильников[68]. Еще один акт французской жестокости, описанный де Николой, произошел в крепости Сант-Эльмо,куда привезли несколько женщин — «малышек», как их называли французы, — которые предложили свои услуги солдатам гарнизона. Комендант крепости велел врачу сперва осмотреть их. По результатам осмотра выяснилось, что все женщины заражены. Узнав об этом, комендант приказал раздеть их до пояса, избить и вымазать жиром, которым его солдаты натирали сапоги, после чего «малышек» выдворили из замка[69].

В целом де Никола сперва достаточно сдержано писал о французах, акцентируя внимание на неприязни плебса к местным якобинцам. Однако с течением времени он всё чаще упоминал бесчинства захватчиков, их жестокость и надругательства над религией, а также неэффективную систему управления нового, республиканского правительства.

---

[66] *Cuoco V.* Saggio storico sulla rivoluzione napoletana del 1799. Bari, 1913. P. 220.
[67] *Nicola C. de.* Op. cit. P. 99.
[68] Ibid. P. 131–132.
[69] Ibid. P. 145.

Аббат Пьетрабондио Друско, еще один свидетель оккупации Южной Италии, написал воспоминания «Народная анархия в Неаполе с 21 декабря 1798 г. по 23 января 1799 г.», которые охватывают период от бегства королевской семьи на Сицилию до провозглашения Партенопейской республики, когда столица была охвачена хаосом. Друско, как и прочие очевидцы, оставил свидетельства жестокости французов. Так, например, он описывал эпизод, когда во время прибытия отряда французских войск к королевскому дворцу все услышали, как какой-то матрос, вместо того чтобы вместе со всеми крикнуть: «Да здравствует Свобода!», воскликнул: «Да здравствует король!». В ту же минуту к нему подошел офицер, положил руку на плечо, удерживая его, после чего выстрелил матросу в грудь. Почти одновременно с этим в толпе увидели человека, одетого в ливрею королевского слуги; её с него стянули и разорвали на куски[70].

Как становится ясно из рассказа Друско, не все из числа плебса встретили французов враждебно. Автор пишет, что многие накрыли столы для офицеров, а народ вместе с французскими солдатами выпивал в винных погребах[71]. Жители Казории, деревушки в предместьях Неаполя, угощали пришедших французов нехитрыми крестьянскими яствами, однако, не исключено, что они были движимы не столько гостеприимством, сколько желанием задобрить захватчиков. По крайней мере, Друско отмечал, что благодаря такому приему эта деревня не слишком сильно пострадала от обычной разнузданности военных[72].

Однако, как и прочие очевидцы, аббат акцентирует внимание на той ненависти, которую испытывал народ прежде всего к местным просвещенным элитам. Утром 20 декабря 1798 г., когда Фердинанд IV еще находился в столице, перед его дворцом собралась толпа с криками «Да здравствует король! Смерь якобинцам!», которая требовала назвать им имена последних, чтобы расправиться с ними. Когда же, месяц спустя «патриоты», захватившие форт Сант-Эльмо, принялись обстреливать защитников города, люди были потрясены, будучи не в силах поверить, что так поступают их соотечественники. Они тешили себя надеждой, что артиллерийские залпы — это всего лишь сигнал о помощи, а поднятый над фортом

[70] *Drusco P.* Anarchia popolare di Napoli dal 21 dicembre 1798 al 23 gennajo 1799. / A cura di M. Arcella. Napoli, 1884. P. 37.

[71] Ibid. P. 41.

[72] Ibid. P. 48.

флаг — ловушка для французов. За этим последовало вооружение народа, который в последующие два дня был одержим одной только мыслью — полностью истребить якобинцев[73].

На основе исследованных источников складывается впечатление, что отношение французов и их противников друг к другу зачастую было не как к себе подобным, а как к варварам. Для республиканцев восставшее против них население Неаполитанского королевства — либо сброд, мошенники и преступники, вышедшие из тюрем, либо религиозные фанатки, ослепленные пропагандой духовенства. Именно поэтому некоторые авторы мемуаров считали главным врагом французов вовсе не мятежный плебс, а священников, которые, по их мнению, одурманивают население и внушают ему ложные ориентиры, а учиненные народом грабежи, резня, насилие и мятежи — не что иное, как результат внушенных ему ошибочных убеждений. При этом жители столицы, сперва восставшие против французов, а затем сложившие оружие, представлялись отважными людьми, тогда как непокорную часть населения республиканцы изображали в своих воспоминаниях разбойниками и преступниками.

Что же касается санфедистов, то французы для них — алчные, ненасытные враги, которые прикрываются пустыми обещаниями и грабят завоеванные страны, нимало не заботясь о благоденствии тех народов, которые они себе подчинили. В действительности же эти мнимые «освободители» проливают кровь, грабят, творят бесчинства и ведут себя в церквях как варвары. Однако своими врагами санфедисты считали не только французов, но и своих сограждан — «якобинцев» или «патриотов», как называли тех, кто разделял французские революционные ценности. Ненависть народа к местным просвещенным элитам была вполне объяснима, ведь они фактически утратили свою национальную идентичность, ощущая свою общность скорее с французами, чем с плебсом Неаполя[74]. Существенная часть населения Южной Италии воспринимала это как предательство, именно поэтому во многих источниках авторы отмечали, что их соотечественники, вставшие на сторону французов, вызывали у них даже большую ярость, чем сами захватчики.

---

[73] Ibid. P. 26.

[74] *Чудинов А. В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798—1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 36.

REFERENCES

Чудинов А. В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798—1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 25–41 [Tchoudinov A. V. «Soldaty svobody» ili smertel′nyĭ vrag? Frantsuzy v Iuzhnoĭ Italii 1798—1799 gg. // Izvestiia Ural′skogo federal′nogo universiteta. Seriia 2. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2. S. 25–41].

Addante L. I cannibali dei Borbone. Antropofagia e politica nell'Europa moderna. Bari, 2021.

Battaglini M. Mario Pagano e il progetto di Costitizione della Repubblica Napoletana. Roma, 1994.

Battaglini M., Placanica A. Leggi, atti, proclami ed altri documenti della Repubblica Napoletana 1798-1799. V. II. Cava de' Tirreni, 2000.

Cattaneo M. Il mito un brigante "vampiro". Gaetano Coletta, alias Mammone (1756-1802) // Soldati e briganti. Biografie, pratiche, immaginari tra Sette e Ottocento. A cura di C. Pinto. Soverìa Mannelli, 2024. P. 63-78.

Il Monitore Napoletano 1799 / A cura di M. Battaglini. Napoli, 1974.

La Riconquista del regno di Napoli nel 1799 / A cura di B. Croce. Napoli, 1999.

Viglione M. Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999.

Зайцева Дарья Владимировна
Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
dvzaitseva@gaugn.ru

Daria Zaytseva
PhD (History), Senior Researcher
Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street,
Saratov, 410012
e-mail: dvzaitseva@gaugn.ru
Researcher ID : K-6441-2017
ORCID : 0000-0002-5546-7404
Scopus ID: 57238691300